

18+

НИКОЛАЙ СЕДОЙ

КАНИКУЛЫ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Николай Седой
Каникулы в Нью-Йорке

«Издательские решения»

Седой Н.

Каникулы в Нью-Йорке / Н. Седой — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-681244-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Николас приезжает в Нью-Йорк, чтобы забыть прошлое. В доме напротив парка он встречает Кейт — девушку, чья яркость граничит с безумием. Они проводят лето на крышах и в барах, смеются и тонут в собственных страхах. На первом этаже курит Роза — хранительница дома и горькой правды. Но главный герой — сам город, шумный и жадный, который обещает свободу, а отдаёт лишь одиночество. Здесь каникулы всегда заканчиваются раньше, чем любовь.

ISBN 978-5-00-681244-4

© Седой Н.

© Издательские решения

Содержание

Каникулы в Нью-Йорке	6
Глава 2. Роза и её сигареты	8
Глава 3. Девушка в окне	12
Глава 4. Бар на углу	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Каникулы в Нью-Йорке

Николай Седой

© Николай Седой, 2025

ISBN 978-5-0068-1244-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Каникулы в Нью-Йорке

Глава 1. Рай напротив парка

Я приехал в Нью-Йорк в начале мая. Было жарко, но не лето – липкий воздух с вокзала уже нёс в себе запах бензина, жареной еды и мусора. В руках у меня был чемодан, в голове – похмелье. Чемодан весил меньше, чем голова.

На вокзале толпа шла во все стороны сразу. Все знали, куда идти, кроме меня. Я взял такси. Таксист не сказал ни слова, только кивнул, когда я назвал адрес. В зеркало он не смотрел. И правильно: я сам не хотел видеть свою рожу.

Из окна такси Нью-Йорк выглядел как гигантский балаган. Рекламные щиты, сияющие витрины, уличные торговцы, мужчины в костюмах, женщины в платьях, бездомные с картонками. Всё это перемешивалось в один поток, и у меня было чувство, что город специально показывает витрину, зная, что внутри всё гниёт.

Такси обошлось дороже, чем я хотел. Почти половина наличных улетела в десять минут пути. Добро пожаловать в Нью-Йорк.

Дом напротив Центрального парка оказался старым. Никакого блеска, никакой романтики. Пожелтевшая штукатурка, трещины, запах сырости и табака. Турист сказал бы: «О, это автентика». Для меня это было просто дерьмо, которое никто не ремонтировал слишком долго.

У входа сидела женщина в халате. Она курила, и пепел падал ей прямо на грудь. Смотрела на меня так, будто знала, чем всё закончится.

– Новенький? – спросила она. Голос хриплый, будто её лёгкие были из песка.

– Похоже на то.

– Добро пожаловать в рай напротив парка. Здесь воздух дорогой, а люди дешёвые. – Она затянулась, закашлялась и выпустила дым.

Я кивнул и пошёл внутрь.

На втором этаже дверь моей квартиры скрипнула так, будто ей неприятно меня впускать. Комната была крошечной. Матрас, стол, стул, маленькая кухня, ванная с облупленной плиткой. Окно выходило на Центральный парк. Люди платят бешеные деньги за вид на парк. Для меня это был просто набор деревьев. Вид не спасает. Вид не лечит.

Я бросил чемодан, сел на матрас и открыл бурбон. Первый глоток сказал мне: «Ты снова всё испортил, парень».

Позже я вышел за едой. В Нью-Йорке еда – либо для богачей, либо для собак. Я выбрал лапшу в коробке и банку дешёвого пива. На углу работал магазин с грязными окнами и продавцом, которому было плевать, сколько у тебя денег – лишь бы хватило.

Возвращаясь, снова увидел женщину в халате. Она всё ещё курила. Казалось, что сигарета у неё одна, вечная.

– Ну что, нашёл своё счастье в городе? – спросила она.

– Счастье кончилось раньше, чем деньги.

Она хмыкнула.

– Тогда ты вступишь. Здесь у всех так.

Я остановился.

– Вы здесь давно?

Она рассмеялась, как будто я спросил, видела ли она динозавров.

– Я тут дольше, чем эти стены. Видела, как приходят и уходят. Никто не задерживается.

Одни мечтают, другие спиваются. К какой категории ты себя относишь?

Я сделал глоток пива прямо из банки.

– Посмотрим.

– Да-да. Все так говорят.

Она затаилась и посмотрела вверх.

– Вот там у нас маленькая принцесса, – сказала она, кивая на окна второго этажа. – Думает, что город создан для неё. Но город всех ест одинаково. Только быстрее тех, кто слишком красив.

Я не стал спрашивать, кого она имела в виду. Я и так знал.

Когда поднялся на второй этаж, услышал музыку. Дверь напротив была приоткрыта. В дверях стояла девушка. Та самая. Волосы растрёпаны, глаза сияют. Она держала бокал вина, смеялась сама с собой, танцевала босиком.

– Ты новенький, – сказала она. Это прозвучало как диагноз.

– Вроде того.

– Я Кейт. – Она протянула руку, но вторая всё ещё держала бокал, и несколько капель упали на ковёр.

– Николас.

Она рассмеялась.

– Слишком серьёзное имя. Надо будет придумать тебе что-то полегче.

Я стоял секунду, слушал шум из её квартиры – голоса, смех, музыка. Потом открыл свою дверь и ушёл внутрь. Сел на матрас, открыл пиво. В окне напротив Кейт всё ещё смеялась. Нью-Йорк смеялся вместе с ней. А я пил.

Глава 2. Роза и её сигареты

Утро началось с запаха жареного масла и табака. В доме не было будильников. Здесь будили чужие запахи. Я встал, выпил воды из крана. Вода была тёплой, как будто кто-то уже пользовался моим утром до меня.

Кофе я купил внизу. Ларёк, где мужчина в бейсболке молчал и смотрел на меня, как на ещё одну пустую кружку. Бумажный стакан обжёг пальцы. Кофе был чёрным и кислым. Нью-Йорк любит продавать кислое под видом бодрости.

Роза сидела у входа, как будто не вставала со вчерашнего вечера. Халат, носки, шлёпанцы. Сигарета – продолжение руки.

– Выжил, – сказала она и кивнула на мой стакан.

– Пока да.

– Не радуйся. Этот дом пережил людей повеселее тебя.

Я сел на порог рядом, так, чтобы дым шёл мимо лица. Не помогло.

– Вы вообще спите? – спросил я.

– Курю. Это экономит время. – Она щёлкнула пеплом. – И нервы.

– На что здесь нужны нервы?

– На двери, которые не открываются, на людей, которые не меняются, и на город, который притворяется будущим.

Мы помолчали. Во дворе кто-то ругался на собаку. Проехала мусорная машина. Железные зубы города скрипнули, как будто он дожёвывал чей-то вчерашний праздник.

– Слушай, новенький, – сказала Роза. – У нас три правила. Не делай вид, что ты лучше всех. Не обещай, что справишься. И не проси у этого дома любви. Он не умеет.

– А если я всё-таки попрошу?

– Тогда купи пепельницу побольше. Любовь здесь горит быстро.

Я сделал глоток кофе. Он стал холодным. Я поднялся.

– Я вернусь.

– Все возвращаются, – сказала она. – Некуда уходить.

Я решил пройтись по району, чтобы понять, где здесь притворяются, что живут. Квадратные кварталы, одинаковые лица. Центральный парк в мае был зелёный, как обложка школьной тетради. Люди бегали в шортах. Собаки выглядели богаче своих хозяев. На лавке мужчина в костюме ел банан и читал новости в телефоне. Рядом женщина кричала в трубку на кого-то, кто виноват был во всём.

Город был бодр и свеж, как реклама воды. Я – нет. Я сел на край скамейки, которого не касалось солнце. Скамейка была липкой. От жары или от людей – не важно.

В витрине напротив продавали кроссовки, стоившие половину моей аренды. Я подумал, что если их купить, то ходить станет легче. И сразу понял – нет. Просто будет дороже.

Я вернулся на улицу с едой, где bodega держалась на скотче и молитве. Внутри пахло луком, пивом, стиральным порошком и кошачьим кормом. Парень за стойкой спросил, не нужен ли мне лотерейный билет.

– Нет, – сказал я. – Мне повезло в другой жизни.

– Тогда кофе? – Он кивнул на термос, переживший три войны.

– Уже пил. Хватило.

Я купил бутерброд с яйцом и сыром. Бумага промокла жиром ещё на кассе. На стене висела доска с объявлениями. Репетитор по математике. Доставка на велосипеде. «Ищу соседа, который не шумит и платит вовремя». Я усмехнулся. Внизу от руки: «Утерян серый кот, отве-

чает на имя Луи. Вознаграждение». Я подумал: коты здесь получают больше внимания, чем люди, которые теряют себя.

Под обед я пошёл искать работу. Это косвенно называлось «отправить два письма и зайти в три места». В первом месте сказали: «Оставьте резюме». Во втором: «Мы перезвоним». В третьем: «Вы слишком старый для стажировки и слишком пустой для чего-то серьёзного». Я не спорил. Зачем? Люди редко ошибаются, когда говорят гадости. Они в этот момент честные.

На углу я сел под кондиционер, который капал вниз, как будто плакал надо мной. Открыл телефон. В ящике три письма. Реклама, спам и «к сожалению, в данный момент мы не можем...» Я закрыл телефон и посмотрел на свои ботинки. Они пережили два города и один развод. Пора менять и то, и другое. Я не знал, с чего начать.

Прошёл мимо бара, который открылся в полдень, как врач, и принимал больных до полуночи. На стекле висела табличка «Happy Hour». Я подумал: счастливый час – это когда не пьёшь. Зашёл внутрь.

Бар был пуст. Бармен протирал стойку медленной тряпкой, которая знала слишком много историй.

- Что будешь? – спросил он без интереса.
- Пиво. Любое.
- Любого не держим. Держим то, что есть. – Он поставил бутылку. – Откуда?
- Из соседней клетки.
- Долго пробудешь?
- Как получится.
- Всегда так отвечают те, кто останется.

Мы молча пили моё пиво. По телевизору бежали люди в форме, бросали мяч. Комментатор кричал так, будто от этого что-то зависело.

– Там у вас напротив девчонка громкая живёт, – сказал бармен, будто не глядя. – Смешная. То ли учится, то ли играет. Иногда приходит сюда с компанией. Пьют сладкое. Оставляют чаевые, как будто мир им даёт сдачу.

- Кейт, – сказал я.
- Ага. – Он кивнул. – Осторожнее с такими. Они светят ярко и недолго.
- Я просто сосед.
- Самые опасные слова на земле.

Я допил и ушёл, оставив один доллар. Было мало. Бармен кивнул так, будто понял.

В подъезде снова пахло дымом. Роза считала ступени, выпуская кольца, каждое на номер выше.

- Ну? – спросила она. – Город уже успел тебя обмануть?
- Он даже не обещал.
- Значит, ты умнее большинства.

Она подвинулась, приглашая присесть. Я сел.

- Вы говорили про принцессу, – сказал я.
- Про Кейт? – Роза щёлкнула пеплом. – Она шумит, потому что боится тишины. Таких слышно за квартал. Слышно и видно.

– Слышно, да.

– Она хорошая, – сказала Роза неожиданно мягко. – Просто не умеет держать себя в руках. А город любит такие руки. Он кладёт в них всё и сразу, а потом отбирает, когда человек улыбается. Самый удобный момент.

Я посмотрел на окно второго этажа. Штора шевельнулась. Мне показалось, или оттуда пахнуло вином и духами.

– Вы её опекаете? – спросил я.

– Я? – Роза усмехнулась. – Я не опекаю никого. Я только курю и доживаю свой дом. Кому повезёт – тот научится на моих словах. Кому нет – научится на своих ошибках. Обычно второй вариант.

Она достала новую сигарету. Старая ещё горела.

– Вы не устали? – спросил я.

– А ты? – Роза посмотрела прямо. – Ты ведь тоже не спишь. Пьёшь, читаешь, смотришь в окно. Жалость к себе – худший наркотик. Дешёвый и всегда под рукой.

– Я не жалею себя.

– Конечно. Ты просто переехал в город, который не любит тебя, и назвал это новой жизнью.

Я хотел возразить. Передумал.

– Слышишь, новенький, – сказала она тише. – Здесь есть простой трюк. Если хочешь выжить – придумай, ради чего встать. Хоть самое тупое. Пачка сигарет. Чашка кофе. Серия в телефоне. Что угодно. А если будешь встать ради того, чтобы кого-то спасти, – утонешь первым.

– Я никого не спасаю.

– Скажешь это через месяц ещё раз. И посмотрим.

Город за дверью шумел. Скорая, сирена, мужик ругался с таксистом, кто-то смеялся слишком громко. Нью-Йорк разговаривал всеми голосами сразу. Он был старше каждого из нас и моложе всех вместе.

– Мне идти, – сказал я. – Попробую ещё найти работу.

– Попробуй. И купи нормальную еду. – Роза кивнула на мой пакет. – От этой лапши скоро будешь светиться в темноте.

– Это хоть будет что-то необычное, – сказал я.

– Не здесь, – ответила она. – Здесь всё обычное.

Вечером я вернулся без работы и с двумя письмами «к сожалению». Третье письмо было от старого знакомого: «Если ты в городе, заходи. Может, есть подработка». Там был адрес где-то в Мидтауне. Я подумал «потом».

В окне напротив светили гирлянды, как будто там было Рождество, хотя был май. Музыка прыгала, как шарик на резинке. В дверях появлялась Кейт, исчезала, снова появлялась. Люди входили и выходили. Город входил и выходил вместе с ними.

Я стоял у своей раковины, ел суп из банки. Он был солёный и металлический. Вкус детства для тех, у кого его не было.

Кто-то постучал. Три коротких, один длинный – ритм сигареты.

– Открой, – сказала Роза за дверью. – У тебя воняет.

Я открыл.

– Суп, – сказал я.

– Не оправдание. – Она прошла внутрь, как инспектор, и открыла окно. С улицы влетел гул. Парк шумел листьями, машины ругались фарами. – Учись проветривать. Здесь всё портится быстрее, чем успеваешь привыкнуть.

Она потушила сигарету в моей пепельнице и сразу достала новую.

– Ты ведь пишешь, – сказала она. Это не было вопросом.

– Иногда.

– Пиши каждый день. Иначе город перепишет тебя. А у него стиль ещё хуже твоего.

Я усмехнулся. Она посмотрела на меня так, будто пыталась решить – стоит ли дальше тратить слова.

– И ещё, – сказала Роза, – не смотри долго в то окно. – Кивок в сторону Кейт. – У города есть привычка показывать тебе желаемое напротив. Чтобы ты захотел. А потом вышел на улицу и забыл, зачем шёл.

– Я просто сосед, – сказал я.

– Сказал каждый утопающий.

Она ушла. Я остался у открытого окна. Сигаретный дым ещё держался в комнате. Я выпил стакан воды. Посмотрел на блокнот. Открыл. Написал: «Рай напротив парка. Ад внутри».

Снизу кто-то крикнул: «Закрой дверь, дурак!» Я и не открывал. Это был Нью-Йорк. Он кричал кому-то другому. Или мне. Здесь это одно и то же.

Я сел на матрас, выключил свет и слушал, как дом дышит. В коридоре смеялась Кейт. Внизу кашляла Роза. На улице тянулись сирены. Я подумал о том, что у каждого из нас есть свой способ не спать. У меня – блокнот. У Розы – сигареты. У Кейт – музыка и смех. У города – мы.

Ночь не закрылась. Она просто стала плотнее. Я уснул позже, чем хотел. Проснулся раньше, чем смог.

Утром Роза снова сидела на своём месте. Я спустился за кофе.

– Видишь, – сказала она, не глядя, – ты уже знаешь, где тебя найдут.

– Кто?

– Те, кто нуждается. И те, кто уничтожит.

– Вы говорили про три правила, – напомнил я.

– Я их не меняю. – Она щёлкнула пеплом. – Но иногда добавляю четвёртое.

– Какое?

– Если услышишь, что кто-то стучит к тебе ради спасения, – открой. Но помни, что потом дверь придётся закрыть. Иначе дом останется без воздуха.

Я кивнул. Понял ли я? Нет. Но кивнул.

В окне напротив мелькнула Кейт. Увидела меня. Помахала. Это было слишком просто. Я помахал в ответ. Это было ещё проще.

Роза усмехнулась, не оборачиваясь:

– Смотри не захлебнись.

Я поднял кофе. Он снова был кислым. Но теперь я знал, зачем встал. Хоть на сегодня. Написать. Посмотреть. Не утонуть.

Город передвинулся на шаг ближе и сделал вид, что этого не было.

Глава 3. Девушка в окне

Я проснулся от того, что в коридоре гремела музыка. Было ещё утро, но кто-то напротив решил, что ночь – это круглосуточная привилегия. Я посмотрел в окно: Центральный парк шумел зеленью, люди бегали, собаки тащили хозяев. Жизнь кипела. Моя жизнь лежала на матрасе и пахла бурбоном.

Я открыл окно. Из квартиры напротив вылетел смех. Настоящий, яркий, такой, который раздражает, если у тебя нет сил. Я зажёл сигарету, но она быстро погасла от сквозняка. Я выругался и закрыл окно.

Внизу снова сидела Роза. Конечно, с сигаретой. Я спустился за кофе, но она перехватила меня взглядом.

– Соседи сверху решили, что у них каникулы, – сказала она.

– У меня каникул нет.

– Значит, ты в проигрыше. Тут выживают только те, кто умеет притворяться, что жизнь – вечеринка.

Я купил кофе и какой-то кекс, который на вкус был как картон. Вернувшись, я услышал, как хлопнула дверь напротив. Музыка стихла. В коридоре появилась она – та самая. Девушка в окне.

На ней были джинсовые шорты и футболка с пятном вина. Волосы растрёпаны, глаза блестят. Она держала бокал, хотя было всего десять утра.

– Привет, сосед, – сказала она. Голос звонкий, как колокольчик, но с хрипотцой.

– Привет.

– Ты вчера не заглянул. У нас было весело.

– Я слышал.

– И? – Она прищурилась.

– И решил, что веселье умеет жить и без меня.

Она рассмеялась.

– Меня зовут Кейт.

– Николас.

– Николас? Серьёзно? Ты выглядишь как Ник. Или даже Кол.

– Пусть будет Николас.

– Ладно. – Она сделала глоток вина. – Ты пьёшь?

– Иногда.

– Тогда приходи сегодня вечером. У нас снова вечеринка.

Я пожал плечами. Она не ждала ответа. Уже разворачивалась, уже снова смеялась. Дверь захлопнулась, и я остался с кислым кофе и холодным кексом.

Днём я пытался писать. Открыл блокнот, написал три слова: «Нью-Йорк пахнет мусором». Потом дописал: «и женщинами, которые убегают от себя». Потом перечеркнул.

С улицы доносился крик торговцев: «Пицца, пицца, горячая пицца!» Сирены, автобус, чья-то ссора. Я закрыл блокнот и лёг.

Проснулся вечером. В окне напротив светили гирлянды, музыка била в стены. Кейт танцевала босиком. В её квартире было полно людей: парни в футболках, девушки с бокалами. Смех, крики, запах вина долетал даже сюда. Я сидел в темноте и смотрел.

В дверь постучали. Три коротких удара, потом один длинный. Я узнал этот ритм.

– Открывай, – сказала Роза. – Ты опять сидишь в темноте?

Я открыл. Она вошла, села на стул и закурила.

– Соседка твоя напротив – огонь. Но огонь всегда ищет бензин.

– Вы про Кейт?

– А про кого ещё. – Роза затянулась. – Смотри аккуратнее. Молодость умеет тянуть за собой. Но редко знает, куда ведёт.

Я посмотрел в окно. Кейт смеялась, подбрасывая волосы назад. Парень пытался её обнять, она увернулась и подняла бокал. Её смех бил по ушам, даже если окна были закрыты.

– Ты ведь пойдёшь, – сказала Роза.

– Нет.

– Тогда будешь смотреть из окна. А это хуже.

Она оставила окурочек в моей пепельнице и ушла. Я налил себе бурбон, выпил. В окне напротив Кейт встретилась со мной взглядом. На секунду. Она подняла бокал, как будто тост. Я тоже поднял свой стакан.

Мы выпили вместе. Но каждый в своей клетке.

Глава 4. Бар на углу

Я не пошёл на вечеринку. Вечеринки – для тех, кто ещё верит, что ночь о тебе что-то помнит. Я повернул в другую сторону и спустился к бару на углу. Туда, где свет желтее, чем в больничном коридоре, и люди разговаривают с бутылками так, будто те им что-то отвечают.

Дверь поддалась с первого толчка. Внутри было прохладнее, чем на улице. Бармен протирал стойку тряпкой, похожей на старую карту: вся в пятнах, и ни одна точка не обещает выхода к морю.

– Вечер, – сказал он, не поднимая глаз.

– Пиво, – сказал я. – Любое.

– Любого не держим. – Он кивнул на холодильник. – У нас есть настоящее и достаточное.

Я выбрал бутылку, которая стояла меньше моей гордости. Он поставил её на стойку, подвинул тяжёлую пепельницу, будто понимал, что мне понадобится место для привычек.

В телевизоре над баром шёл бейсбол без звука. Комментаторы махали руками так, будто уговаривали мёртвого вернуть мяч. В углу двое мужчин молча играли в пул. Шары катились, как дни – без сюжета.

– Новенький? – спросил бармен.

– Второй день.

– Поздравляю. Дальше будет однообразнее.

– Это хорошая новость.

– Не знаю. Некоторые здесь приходят ради неожиданностей, а получают стабильность.

Другие приходят за стабильностью и получают себя. Это хуже.

Я сделал глоток. Пиво оказалось холодным и честным. Оно не обещало ничего, кроме следующих пяти минут без мыслей.

– Имя? – спросил бармен.

– Николас.

– Я – Фрэнк. Если будешь приходить часто, импровизировать с именем не будем. Люди запоминают простое.

Дверь скрипнула. Зашла женщина с бледным лицом и слишком красной помадой. Села у стены, заказала джин с тоником и долго смотрела в телефон, как в окно, где море, но кораблей нет. Фрэнк налил ей щедро, она не улыбнулась.

– Я видел тебя вчера, – сказал он, как будто продолжал разговор, который мы не вели. – Ты стоял на светофоре и смотрел на парк.

– Наверное.

– Парк – как аквариум. Если у тебя нет собственного кислорода, долго не продержишься.

У стойки появился парень в рубашке, еле вылезшей из-под пиджака. Галстук был завязан злостью. Он заказал два шота текилы, выпил сам и ушёл в туалет. Возвращаясь, задел плечом чей-то стул, извинился и сел на место, будто предпочёл бы исчезнуть.

Фрэнк посмотрел на меня:

– Работаешь?

– Формально – нет. Пытаюсь.

– Понимаю. У нас здесь много «пытающихся». Они сидят справа. Те, кто уже перестал – слева. Ты пока посередине.

– Посередине ненадолго.

– Верю, – сказал он. Сказал так, как говорят «здорово» человеку в гипсе.

Я достал телефон, проверил почту. Пусто. Открыл блокнот, написал одну строчку: «Бар – это библиотека для тех, кто разучился читать». Показалось банально. Зачеркнул. Налил себе остаток пива в рот.

Дверь снова скрипнула. Вошли трое: парень с аккуратной бородой, девчонка в белой рубашке, ещё один – с веснушками и пустыми глазами. Они взяли стол под телевизором, заказали коктейли, которые звучали как имена собак. Смех их был лёгкий, как крышки на пластиковых стаканчиках.

– У вас тут вечером шумно? – спросил я.

– Если повезёт, – сказал Фрэнк. – Иногда заносит студентов из общаги. Иногда офисных, у которых бонусы не совпали с мечтами. Иногда приходит молчание, берёт бутылку и садится рядом.

Я кивнул. В такие вечера молчание – лучший собеседник.

Дверь распахнулась шире, чем требовалось. На пороге стояла Кейт. Волосы собраны небрежно, на лице – тот смех, который гаснет позже всех. На ней была чёрная куртка поверх светлого платья. За ней – двое мальчиков, которые улыбались ей в спину. Она вошла, как ветер, и ветер вошёл вместе с ней.

– Фрэнк! – крикнула она. – Дай мне что-нибудь, что заставит забыть, как пишется слово «вчера».

– Ты его и трезвая не любишь, – сказал он и поставил перед ней бокал с чем-то розовым. – Тебя предупреждать?

– Нет, – улыбнулась она. – Я люблю сюрпризы.

Она увидела меня и махнула рукой, словно вылавливала из воды знакомое лицо.

– Сосед! Ты всё-таки выбрал жизнь.

– В баре жизни больше, чем на вечеринках, – сказал я.

– Смотря на чью. – Она села на соседний табурет, повернулась ко мне коленями. – Ты правда Николас? Не Ник?

– Николас.

– Упрямый. Мне это нравится. Пока.

Фрэнк поставил передо мной ещё одну бутылку без слов. Кейт подняла свой бокал:

– За то, что мы умеем терять время красиво.

– Я теряю его без эстетики, – сказал я. – Но ладно.

Мы выпили. Она морщилась, но смеялась. В смехе было больше музыки, чем в музыке.

– Чем занимаешься, сосед?

– Пытаюсь писать.

– Писатели всегда «пытаются». Когда они делают – мы узнаём из похоронных заметок. – Она подалась вперёд. – О чём пишешь?

– О городе, который притворяется, что у него есть сердце.

– У него есть сердце, – сказала Кейт. – Просто оно работает по выходным и сдаёт кровь за деньги.

Фрэнк кашлянул, будто смеялся. Девчонка в белой рубашке из компании у телевизора повернулась к нам, послушала полминуты, вернулась к своим.

Кейт поставила локти на стойку и огляделась.

– Здесь хорошо. Здесь можно говорить глупости и оставаться умным.

– Здесь можно молчать и оставаться живым, – добавил я.

– Ты так молчишь, что по тебе можно писать лекции, – сказала она. – Пойдём покурим.

Мы вышли. Снаружи воздух был влажный, как полотенце, которым вытирают барную стойку. Она закурила быстро, сигарета прилипла к пальцам. Я достал свою.

– Сосед, – сказала Кейт между затяжками, – у тебя такой вид, будто ты уже покончил с собой, но передумал в последний момент и теперь боишься опоздать куда-то.

– Я просто не люблю опаздывать на чужие финалы.

– Тогда не ходи на мои. – Она выпустила дым в сторону такси, которое ругалось фарами. – Я умею всё портить без свидетелей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.